

ной умственной работой въ теченіе двухъ мѣсяцевъ экзаменаціоннаго времени. Вредныя стороны экзаменовъ отражаются какъ въ мужскихъ, такъ и въ женскихъ заведеніяхъ,—въ послѣднихъ слезы, обмороки, внезапныя заболѣванія—явленія обычныя во время экзаменовъ.

При правильной постановкѣ учебнаго дѣла экзамены и даже репетиціи получаютъ совсѣмъ второстепенное значеніе; но, полагаемъ, что и при теперешнихъ условіяхъ школы, замѣна экзаменовъ репетиціями будетъ мѣрою благодѣтельною.

Чего недостаетъ современной школѣ?

Болѣе всего слышится жалобы у насъ и въ Германіи на то, что современная средняя школа, приводя учащихся къ переутомленію, апатіи, вліяя крайне вредно на здоровье физическое и духовное, не даетъ ни достаточныхъ знаній, ни умственного развитія и такимъ образомъ не подготовляетъ, какъ слѣдуетъ, молодыхъ поколѣнія ни къ жизни, ни къ дальнѣйшему высшему, или научному, образованію. Главную причину этого видятъ, и не безъ основанія, въ той односторонности, какою страдаетъ современная школа, направляющая всѣ усилія лишь на умственное развитіе и избравшая главнымъ орудіемъ для этого филологическое, или, точнѣе, грамматическое обученіе.

Въ этой замѣткѣ мы не имѣемъ въ виду входить въ детальное разсмотрѣніе различныхъ школьныхъ системъ, а остановимся лишь на тѣхъ общихъ недостаткахъ, которые свойственны и мужскимъ, и женскимъ школамъ, классическимъ и реальнымъ, и даже германскимъ школамъ, послужившимъ, какъ извѣстно, прототипомъ нашихъ.

Какіе же это общіе недостатки?

Прежде всего бросается въ глаза одно въ высшей степени странное явленіе.—Организаторы современной школы какъ будто предположили, что разсудочная способность человѣка одна только и заслуживаетъ ихъ вниманія; о воображеніи, о чувствѣ, о физической сторонѣ они совершенно забыли. Въ самомъ дѣлѣ, не только преобладающее, но почти исключительное поло-

женіе въ современной школѣ занимають тѣ учебные предметы, которые считаются лучшими средствами развитія сообразительности, смѣтливости, мышленія; языки и математика,—вотъ та группа предметовъ, на которые обращены исключительно заботы въ современной школѣ. Словесность, исторія, географія не пользуются обыкновенно правами полного гражданства, а естественныя науки, кромѣ физики, и совсѣмъ устранены; такіе же учебные предметы, какъ рисованіе, пѣніе, гимнастика, являются совершенными паріями, и такъ дурно во всѣхъ отношеніяхъ поставлены, что, дѣйствительно, рѣдко приносятъ какую-либо ощутительную пользу.

Вотъ первый и самый существенный недугъ современной германской и нашей системы средняго образованія.

При правильной организаціи школы должны пользоваться равноправностью три группы учебныхъ предметовъ, имѣющихъ конечною цѣлью: 1) умственное развитіе, 2) нравственно-эстетическое и 3) физическое.

Къ первой группѣ должно быть отнесено, кромѣ математики и языковъ, также и естествознаніе.

Конечно, тутъ идетъ рѣчь не о какихъ-либо системахъ этой науки, а лишь объ урокахъ изъ области естествознанія,—урокахъ вполне подходящихъ къ возрасту учащихся и по матеріалу, и по способу преподаванія. Для средней школы естествознаніе дорого не столько своими системами и гипотезами, сколько методомъ изученія. *Наблюденіе* и *опытъ*,—вотъ чѣмъ особенно важно и въ чемъ незамѣнно естествовѣдѣніе въ педагогическомъ отношеніи. Не забудемъ, что наблюденіе и опытъ—это тѣ первые приемы знанія, при помощи которыхъ ребенокъ съ первыхъ же моментовъ сознательной жизни начинаетъ знакомиться со всѣмъ окружающимъ его ¹⁾.

На вторую группу, въ высшей степени важную, должно обратить особенное вниманіе.—Уроки Закона Божія, конечно, занимають первенствующее мѣсто въ дѣлѣ нравственнаго воспитанія. Главною задачею для законоучителя должно быть возмож-

¹⁾ Въ настоящее время естествознаніе снова преподается въ русской средней школѣ. Ред.

но полное освоение учащихся съ христіанскою нравственностью, съ Евангеліемъ, а не научная богословская или историческая сторона. Отечественная словесность въ лучшихъ произведеніяхъ образцовыхъ писателей является незамѣнимымъ средствомъ нравственно-эстетическаго и національнаго образованія подрастающихъ поколѣній, и нельзя не удивляться тому, что такой могучей силой, какъ словесность, школа пользуется такъ мало.—Исторія отечественная и всеобщая, при надлежащей постановкѣ, должны не только занимать подобающее мѣсто въ первой группѣ предметовъ, но и имѣть громадное значеніе въ дѣлѣ нравственнаго и національнаго воспитанія. Наконецъ, искусства—пѣніе, музыка, рисованіе, лѣпка,—должны быть поставлены никакъ не ниже другихъ учебныхъ предметовъ. Преподаваніе этихъ искусствъ должно быть вручаемо не первымъ встрѣчнымъ неудавшимся пѣвцамъ и художникамъ, а образованнымъ педагогамъ. Тогда не будетъ такого явленія, какое встрѣчается теперь сплошь и рядомъ, что нѣкоторые ученики устраниются отъ уроковъ пѣнія на томъ основаніи, что у нихъ нѣтъ музыкальнаго слуха, а другіе оставляются безъ всякаго вниманія учителемъ рисованія вслѣдствіе того, что не имѣютъ способности къ этому искусству. Образованные педагоги, конечно, поймутъ, что задача школы—готовить не пѣвцовъ и художниковъ, а употреблять всѣ усилія, чтобы, насколько возможно, развить въ томъ или другомъ направленіи силы учениковъ, и что главная задача искусствъ въ школѣ—развить по возможности эстетическій вкусъ, и такимъ путемъ открыть доступъ въ душу воспитывающихся поколѣній цѣлому ряду облагораживающихъ наслажденій, возможныхъ лишь при развитіи чувства изящнаго. Больно смотрѣть на многихъ молодыхъ людей, учениковъ и ученицъ, близкихъ къ зрѣлости, скучныхъ, мрачныхъ. Рѣдко, рѣдко услышишь, чтобы они пѣли для себя или рисовали для своего удовольствія: учитель пѣнія изрекъ приговоръ, что у нихъ нѣтъ музыкальнаго слуха, учитель рисованія нашель, что у нихъ нѣтъ художественныхъ способностей, и эти «забракованные» (часто вполнѣ неосновательно) теряютъ охоту пѣть и рисовать даже и для своего удовольствія.

На физическое воспитаніе необходимо обратить самыя серьез-

ныя заботы. Существующая теперь въ нашихъ школахъ гимнастика не имѣетъ почти никакого значенія. Какой смыслъ представляютъ занятія гимнастикой разъ или два въ недѣлю,—гимнастикой, состоящей изъ вялыхъ движеній въ душной, полной пыли комнатъ? Неизмѣримо цѣннѣе для физическаго развитія были бы различныя подвижныя игры на чистомъ воздухѣ и разныя физическія упражненія, такія, какъ бѣгъ, вѣспуски, прыганье и пр. Древняя Греція и современная Англія—вотъ лучшіе образцы, указывающіе, какъ слѣдуетъ поставить это дѣло. На физическія упражненія и подвижныя игры, требующія энергіи и ловкости, необходимо удѣлить въ школѣ по крайней мѣрѣ по часу въ день и смотрѣть на нихъ не менѣе серьезно, чѣмъ на умственныя упражненія.

Введеніе ручного труда въ общеобразовательную школу, о чемъ теперь многіе педагоги хлопчутъ, въ высшей степени желательно; высокое педагогическое значеніе занятій ручнымъ трудомъ не подлежитъ сомнѣнію. Мало того, что тутъ развивается глазомѣръ, ловкость рукъ, упражняются мускулы и пр., но здѣсь и малоспособные ученики могутъ находить нравственное удовлетвореніе, потому что при усердіи и энергіи всякій можетъ достигнуть удовлетворительныхъ результатовъ въ этомъ трудѣ.

Второй вопросъ, настоятельно требующій разрѣшенія, слѣдующій: почему учащіеся относятся въ большинствѣ случаевъ крайне апатично къ ученію и необходимы различныя мѣры въ родѣ аттестацій, наказаній, наградъ для того, чтобы заставить учиться, да и при всемъ этомъ является огромный процентъ неуспѣвающихъ? Не странно-ли? Вѣдь, при нормальномъ ходѣ вещей пріобрѣтать знаніе есть наслажденіе, и дѣти уже въ раннемъ возрастѣ (если это не забитыя и больныя дѣти) обнаруживаютъ большую любознательность, закидываютъ взрослыхъ вопросами, сосредоточенно и внимательно слушаютъ объясненія и рассказы и надолго ихъ запоминаютъ. Эти же дѣти, переступивъ черезъ порогъ школы, мало-по-малу могутъ исполнять свои обязанности, т. е. учиться, только или подѣ страхомъ извѣстной непріятности въ видѣ плохой отмѣтки и наказанія, или руководимые самолюбіемъ, желаніемъ похвалы, отличія, награды...

Это печальное явленіе объясняется 1) свойствомъ учебнаго матеріала, 2) приёмами преподаванія и 3) свойствами преподающихъ.

При выборѣ учебнаго матеріала, какъ извѣстно, очень рѣдко задаются вопросомъ, соотвѣтствуетъ ли этотъ матеріалъ свойствамъ возраста учащихся. Если бы этимъ вопросомъ руководились, то могло ли бы имѣть мѣсто въ школѣ, напр., такое явленіе, что десятилѣтнему ребенку предоставляется сразу изучать три или четыре чуждыхъ ему языка да еще съ грамматической стороны? Вопросъ о томъ, интересенъ ли ребенку предлагаемый ему учебный матеріалъ, покажется многимъ педагогамъ, пожалуй, даже смѣшнымъ. А вѣдь вопросъ этотъ можетъ быть замѣненъ другимъ равносильнымъ: свойственъ ли этотъ матеріалъ дѣтской натурѣ, или нѣтъ? Въ такой формѣ вопросъ не можетъ показаться страннымъ ни для одного мыслящаго человѣка. Интереснымъ для ребенка только и можетъ быть то, что ему свойственно, доступно, что отвѣчаетъ болѣе или менѣе стремленіямъ его. Могутъ ли быть доступны ребенку филологическіе интересы? Предоставляемъ отвѣтить на этотъ вопросъ всякому, кто сколько-нибудь знаетъ дѣтскую натуру. Какое же можетъ быть состояніе ребенка, когда три четверти школьнаго времени онъ долженъ проводить за изученіемъ словъ и фразъ чуждыхъ ему языковъ? Не должна ли явиться, какъ прямое слѣдствіе этого, у учащихся чрезъ два-три года ученія апатія къ нему? Не станутъ ли они относиться къ нему, какъ къ тяжелой барщинѣ?

Что же дѣлать, какъ помочь тутъ бѣдѣ?—Прежде всего и необходимѣе всего въ младшихъ классахъ въ основу обученія положить родной языкъ: пусть дѣти изучаютъ его, но не грамматически, а въ живомъ проявленіи,—въ доступныхъ имъ произведеніяхъ народной и художественной литературы¹⁾. Пусть дѣти развиваютъ свой глазъ и свое вниманіе въ наблюденіи надъ различными органическими формами на доступныхъ имъ

¹⁾ Къ сожалѣнію, даже въ столичныхъ мужскихъ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ на урокахъ родного языка дѣти и до сихъ поръ имѣютъ дѣло главнымъ образомъ съ грамматикой: много-много, если они изучаютъ въ годъ два или три литературныхъ образца.

урокахъ изъ области естествознанія, пусть измѣряютъ и считаютъ на урокахъ ариметики, пусть рисуютъ, лѣпятъ, пусть упражняютъ тѣло свое на чистомъ воздухѣ въ подвижныхъ играхъ, пусть лишь со второго класса начать осваиваться съ формами одного иностраннаго языка, съ третьяго класса—другого и т. д.

Важно и даже необходимо, чтобы каждый день былъ хоть часъ или два посвящены такимъ занятіямъ, которыя возбуждали бы живой, умственный интересъ у учащихся. Этотъ интересъ въ высшей степени важное, даже необходимое условіе успѣха всего обученія, и благо той школѣ, которая заботится объ этомъ. Даровитые учителя всегда умѣютъ пользоваться этимъ драгоцѣннымъ подспорьемъ обученія.

Въ сильной степени зависитъ этотъ интересъ и отъ пріемовъ преподаванія. Если преподаватель вызываетъ самодѣятельность у учащихся, направляетъ ихъ умъ такъ, что они сами на основаніи даннаго матеріала приходятъ къ выводу извѣстнаго закона, правила, обобщенія, сами систематизируютъ добытыя знанія, то всѣ учебные предметы можно сдѣлать болѣе или менѣе интересными и весьма образовательными въ логическомъ отношеніи. Но часто ли мы замѣчаемъ въ школѣ такое преподаваніе? Не чаще ли мы видимъ, что роль преподавателя сводится лишь къ простому контролю? Ученикамъ задается по учебнику выучить дома готовые выводы, готовые правила, а учитель въ классѣ провѣряетъ, помнятъ ли ихъ ученики, или на письменныхъ упражненіяхъ испытываетъ, могутъ ли они заученныя правила примѣнять на практикѣ. Сидитъ ученикъ дома по нѣскольکو часовъ за скучнѣйшей грамматикой, зубритъ безконечныя правила съ такими же безконечными исключеніями,—зубрить, но не можетъ, конечно, сосредоточить на нихъ должнаго вниманія; путаются они у него въ головѣ или ускользаютъ безслѣдно, и гнететъ его тяжелая мысль, что и память у него плоха, и способности вообще слабы. Идетъ онъ въ классъ съ понурой головой, съ томительнымъ чувствомъ ожиданія, что его спросятъ. А въ классѣ усердный учитель зорко вглядывается въ лица учениковъ; онъ замѣтитъ, у кого безпокойный взглядъ, онъ такого непременно спроситъ и выставитъ единицу. Онъ свое дѣло знаетъ

и даромъ жалованья не хочетъ получать. Такія явленія всякій, кто наблюдалъ наши школы, конечно, видѣлъ не разъ.—Учитель математики въ свою очередь въ классѣ больше спрашиваетъ, а на домъ задаетъ задачи для упражненія; а иногда даже не задаетъ, а просто заявляетъ, что въ классѣ предъ выставкой отмѣтокъ задастъ для рѣшенія одну изъ задачъ такого то отдѣла задачника. Преподаватель отлично знаетъ, что ученицы постараются дома сами или при помощи другихъ перерѣшить всѣ указанные задачи. Этого-то учителю и нужно. Пусть поупражняются!.. И клянуть постылыя и обыкновенно нарочно крайне запутанныя задачи, надъ которыми имъ приходится цѣлые часы просиживать. А, между прочимъ, настоящіе математики утверждаютъ, что не въ задачахъ главная образующая сила ихъ предмета, а въ самомъ усвоеніи системы науки, а задачи имѣютъ значеніе лишь примѣра, подтверждающаго положенія ея. Вотъ подите-же, а у насъ этими задачами, представляющими часто необычайныя хитросплетенія, положительно томятъ учащихся!

Надо замѣтить, что и въ низшихъ училищахъ, городскихъ и народныхъ, очень часто встрѣчается то же самое явленіе: и тутъ мы нерѣдко замѣчаемъ, что учителя всѣ усилія обращаютъ на выучку, правописаніе, занимаются чисто механическими приѣмами и слишкомъ мало заботятся о томъ, чтобы возбудить живой интересъ, развитіе любознательность, которая пробуждала бы охоту къ самостоятельному чтенію доступныхъ книжекъ¹⁾. Отсюда и тотъ рецидивизмъ безграмотности, который нерѣдко замѣчается въ средѣ крестьянъ, прошедшихъ чрезъ народную школу.

Учителя въ большинствѣ случаевъ у насъ не могутъ быть названы педагогами,—это чиновники, которые за жалованье работаютъ болѣе или менѣе усердно. Преподаватели, которые дѣйствительно интересуются своими учениками и своей наукой и употребляютъ всѣ силы, чтобы, такъ сказать, породнить ихъ съ нею, заставить ихъ полюбить ее, очень рѣдки. Объясняется это, конечно, и тѣмъ, что учителю, даже вполнѣ владѣющему

¹⁾ Разумѣется, учителя поступаютъ такъ, имѣя въ виду экзаменъ (отъ котораго часто зависитъ участь не только учащихся, но и учащихся) и чисто формальныя требованія присяжныхъ экзаменаторовъ.

своимъ дѣломъ, обыкновенно мало предоставляется простору: его связываетъ строго опредѣленная программа, указанный учебникъ, отъ котораго часто зависитъ и самый пріемъ преподаванія.

Учебники—это тоже не послѣднее зло въ современной школѣ. Излагая въ сжатомъ и сухомъ видѣ факты и выводы, давая обыкновенно въ достаточной полнотѣ свѣдѣнія по той или другой наукѣ, они, повидимому, являются хорошимъ подспорьемъ для учителя и ученика, избавляя перваго отъ труда изложенія, а послѣднему облегчая трудъ усвоенія: вѣдь въ учебникѣ все изложено такъ просто и ясно. Учитель иногда даже самъ не излагаетъ матеріала своего предмета, а обращается въ комментатора учебника и затѣмъ провѣряетъ, насколько ученикъ усвоилъ его. Ученикъ учитъ по учебнику, повторяетъ неоднократно, и все-таки безпрестанно забываетъ. Объясняется это тѣмъ, во-первыхъ, что учебники, даже очень скромные по размѣру, до такой степени переполнены фактами, часто умѣстными лишь въ справочныхъ книгахъ (возьмите, напр., господствующіе у насъ учебники исторіи и географіи), что упомянуть это крайне мудрено; а, во-вторыхъ, тѣмъ, что факты хотя бы и очень крупные, но изложенные сухо, не дѣйствующіе ни на умъ, ни на воображеніе, ни на чувство, и готовые выводы, надъ которыми не работало мышленіе учащихся, совершенно естественно не могутъ держаться и въ памяти. Это въ порядкѣ вещей. Заучиваніе учебниковъ обращается въ пустую трату времени и вредно тѣмъ, что нерѣдко поселяетъ антипатію и къ учебному предмету. Такимъ именно способомъ обыкновенно убивается въ нашихъ дѣтяхъ всякій интересъ къ исторіи и географіи. Учебники, по нашему убѣжденію, должны быть замѣнены или сжатыми, краткими конспектами, которые служили бы учащимся лишь канвою, и имъ приходилось бы при самостоятельномъ изложеніи указывать связь между фактами или разъяснять ихъ,—или, что мы считаемъ самымъ лучшимъ, книгами, заключающими живое, но настолько подробное изложеніе фактовъ, что заучивать его цѣликомъ, какъ учебникъ, было бы невозможно, а необходимо самимъ учащимся извлекать существенное изъ разсказа. Въ томъ и другомъ случаѣ является самостоятельная работа для нихъ.

Конечно, это возможно лишь при значительномъ сокращеніи учебнаго матеріала, что во всякомъ случаѣ крайне желательно, какъ и увеличеніе учебныхъ часовъ для преподаванія предмета такой первостепенной важности, какъ исторія ¹⁾).

Наконецъ, существующая система экзаменовъ, на которую уже не разъ сыпались очень серьезные упреки, во многомъ наноситъ существенный вредъ правильному ходу обученія ²⁾).

Экзамены и учебники болѣе всего обусловливаютъ тяжелый, схоластическій характеръ обученія въ школахъ. Не мыслительная работа надъ фактами, а запоминаніе ихъ по учебнику (что особенно важно для экзамена), не живая бесѣда учителя съ учениками, а комментированіе учебника, задаваніе по нѣсколькимъ страницамъ, гдѣ и факты, и связь между ними и смыслъ ихъ и самое изложеніе, все готово,—стоитъ лишь запомнить ихъ, чтобы донести до экзамена, а для этого безконечныя повторенія и пр.,—вотъ во что часто обращаются уроки не только исторіи, географіи, грамматики, но и Закона Божія, словесности (теоріи и исторіи литературы).

Экзамены и учебники ведутъ и къ тому, что забывается нерѣдко и самая цѣль преподаванія того или другого предмета, и средства принимаются за цѣль.

Учителя исторіи и географіи безпрестанно забываютъ, что многіе факты въ употребляемыхъ ими учебникахъ имѣютъ лишь значеніе тѣхъ лѣсовъ, какіе ставятся при постройкѣ зданія, и откидываются прочь, когда готово оно. За этими лѣсами нерѣдко и сами учителя не видятъ зданія, а ихъ ученики и подавно и исправно долбятъ факты, часто даже и не понимая, въ чемъ ихъ значеніе. Учителя математики, имѣя въ виду, что на экзаменѣ требуются рѣшенія задачъ, а всевозможныхъ задачниковъ съ самыми хитроумными задачами не занимать стать, налегаютъ болѣе всего на рѣшеніе ихъ, забывая, что онѣ лишь средство

¹⁾ До сихъ поръ еще это пожеланіе покойнаго автора не осуществилось, и при 2-хъ часахъ въ недѣлю, которые отводятся на исторію, учащіеся должны поневолѣ готовить обширные уроки, такъ что ихъ умъ и память не успѣваютъ переварить, какъ слѣдуетъ, получаемый матеріалъ.

²⁾ О вредѣ экзаменовъ и желательной замѣнѣ ихъ рационально поставленными репетиціями см. статью того же автора: «Экзамены или репетиціи?» *Ред.*

выяснить или доказать математическія истины, или показать ихъ примѣненіе на практикѣ. Учителя языковъ забываютъ, что ихъ главное дѣло изученіе языка, а грамматика, т. е. изученіе внѣшней, формальной стороны языка, лишь подспорье къ изученію его, и эту самую грамматику ставятъ конечною цѣлью, заставляютъ учащихся запоминать всевозможныя мелочныя правила и исключенія, благо существуютъ учебники грамматики, гдѣ все это собрано.

Вотъ самые существенные недостатки современной школы всѣхъ видовъ,—вотъ на что слѣдуетъ обратить особенное вниманіе.

Повторяемъ: 1) школа должна равномѣрно развивать умственное, нравственно-эстетически и физически; 2) въ дѣлѣ умственного воспитанія всегда слѣдуетъ помнить, что умственный интересъ и самостоятельность учащихся при усвоеніи знаній—главнѣйшія условія успѣха; 3) уроки должны имѣть характеръ живой бесѣды, а не заключаться въ комментированіи учебниковъ, опросовъ заданныхъ уроковъ и повтореній съ цѣлью приготовленія къ экзамену.

Эти требованія должно предъявить всякой школѣ: мужской и женской, средней и низшей.

Въ заключеніе еще нѣсколько словъ.

Школа готовитъ человѣка къ самостоятельной жизни, даетъ ему *образованіе*. Слово это надо понимать не въ смыслѣ извѣстной суммы знаній, а въ смыслѣ развитія всѣхъ способностей, духовныхъ и тѣлесныхъ, развитія при помощи знаній, методовъ и пріемовъ научныхъ, и искусствъ. Не то важно, чтобы много знаній было у молодого человѣка лѣтъ 18—19, а то, чтобы онъ интересовался ими, цѣнилъ ихъ по достоинству и зналъ бы, какъ добываются они. Математика учитъ путемъ умозрѣнія и чисто логическаго мышленія доходить до отвлеченныхъ математическихъ истинъ, естествознаніе изощряетъ умъ въ умѣніи путемъ наблюденія и опыта находить глубокій смыслъ въ окружающей насъ природѣ и господствовать надъ нею. Языки развиваютъ способность находить словесное выраженіе мыслямъ и чувствамъ, облекать эти духовные факты въ плоть, т. е. въ слово, наслаждаться изящнымъ, вполне гармоничнымъ сочетаніемъ мысли и рѣчи

у художниковъ слова, открываютъ возможность наслаждаться чудными произведеніями великихъ писателей. Надо ли говорить, какое глубокое и широко объемлющее вліяніе имѣютъ эти произведенія? А искусства?—Ихъ глубокое педагогическое значеніе высоко цѣнили во всѣ времена мыслящіе люди. Искусства не только развиваютъ высшія чувства человѣка—зрѣніе и слухъ, но увеличиваютъ присущую каждому человѣку въ большей или меньшей степени силу творчества, а, главное, облагораживаютъ его вкусъ, открываютъ цѣлую массу эстетическихъ наслажденій, доступныхъ для каждаго, и дѣлаютъ его счастливѣе.

Истинно-образованный человѣкъ не тотъ, кто много знаетъ, а тотъ, кто знаетъ цѣну знанія, въ комъ постоянно живетъ умственный интересъ, который никогда не считаетъ своего образованія законченнымъ, для котораго наслажденіе—приобрѣтатъ новыя знанія. Вотъ въ какомъ направленіи должна дѣйствовать школа на подрастающія поколѣнія, вотъ на что должны быть, по нашему взгляду, направлены улучшенія въ нашей системѣ образованія.

Всякія улучшенія въ указанныхъ направленіяхъ принесутъ несомнѣнную пользу. Измѣненія къ лучшему никогда не могутъ быть названы ломкою: онѣ являются жизненною потребностью. Если школа не мертвая, не окаменѣлая форма, а живой органъ общества, она, какъ все живое, должна развиваться, улучшаться, стало быть, и измѣняться.

Два положенія мы считаемъ аксіомою: 1) *лишь та система образованія можетъ быть плодотворною, которая соответствуетъ потребностямъ общества и находится въ полной гармоніи съ состояніемъ научнаго знанія въ данное время.* А такъ какъ потребности общества по времени и мѣсту измѣняются, науки тоже растутъ, вѣтвятся, накаплиютъ все болѣе и болѣе знаній, все глубже и глубже проникаютъ въ сущность фактовъ, вырабатываютъ новые методы и приемы, то отсюда ясно вытекаетъ и другое положеніе: 2) *система образованія не можетъ быть у всехъ народовъ одною и тою же, а также не можетъ и не должна оставаться неизмѣнною въ теченіе многихъ поколѣній.*